

УДК 069.6(571.54/55)(09)

DOI: 10.18324/2224-1833-2020-1-148-154

Формирование музейного пространства городов Забайкалья рубежа XIX–XX веков

Т.В. Паликова

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, Республика Бурятия
Tatianap25@yandex.ru

Статья поступила 18.02.2020, принята 11.03.2020

На основе архивных, публицистических, статистических, справочных источников, а также опубликованных источников личного происхождения в статье представлен процесс формирования музейного пространства в городах Забайкальской области в самый продуктивный период культурного созидания в регионе (рубеж XIX–XX вв.). Автор последовательно характеризует место развития музейного пространства – сеть городов, его участников – численный, сословный и профессиональный состав населения, социокультурное пространство городов – институты культуры и вспомогательные учреждения и собственно этапы развития музейного дела. В ходе размышлений автор приходит к выводу о том, что процесс формирования музейного пространства разделен на несколько этапов, берущих свое начало в первой половине XIX в., восходит к первым коллекциям предметов истории, этнографии и природы забайкальского купечества и нацелен на институционализацию, профессионализацию, систематизацию, но при этом характеризуется локальностью – как пространственной, так и социальной.

Ключевые слова: культурный ландшафт; музейное пространство; город; Забайкальская область; конец XIX – начало XX вв.

The museum space forming in the cities of the Trans-Baikal region at the turn of the XIX–XX centuries

T.V. Palikova

Buryat State University named after D. Banzarov; 24a, Smolin St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia
Tatianap25@yandex.ru

Received 18.02.2020, accepted 11.03.2020

Based on archival, journalistic, statistical, reference sources, as well as published personal sources, the article presents the process of forming museum space in the cities of the Trans-Baikal region during the most productive period of cultural creation in the region (the turn of the XIX–XX centuries). The author successively characterizes the place of development of the museum space – the network of cities, its participants – the numerical, estate and professional composition of the population, the socio-cultural space of cities – cultural institutes and auxiliary institutions and the actual stages of museum business development. In the course of reflection, the author comes to the conclusion that the process of forming the museum space is divided into several stages, originating in the first half of the XIX century, goes back to the first collections of objects of history, ethnography and nature of the Trans-Baikal merchants and is aimed at institutionalization, professionalization, systematization, but at the same time is characterized by locality - both spatial and social.

Keywords: cultural landscape; museum space; city; Trans-Baikal region; end of XIX – beginning of XX century.

Сегодня, когда на смену еще недавно процветавшему нигилизму приходит осознание необходимости выработки позитивного исторического мышления, возрождения исторической памяти – единственно возможного механизма преемственности в исторической судьбе народа/страны, обращение к музею как к источнику информации о прошлом и его репрезентации вполне закономерно и актуально. Не менее значимо исследование формирования музейного пространства определенной территории опреде-

ленного времени, в данном случае отдаленной провинции дореволюционного периода, поскольку, во-первых, культурой провинции «подпитывается» культура страны, общая картина развития которой не может обладать полнотой без учета специфики ее составляющих и, во-вторых, сама проблема исторической памяти была осознана в России XIX в., на который приходится процесс создания сначала в столицах, а затем по всей стране музеев, в том числе краеведческих.

Проблему, вынесенную в название статьи, на наш взгляд, можно разделить на несколько составляющих.

Во-первых, место развития музейного пространства. Забайкалье еще и в первом десятилетии XX в. считалось периферией России, единственным связующим звеном с которым до конца XIX в. был Московский тракт, а затем Транссибирская магистраль, установившая стабильное сообщение между административными единицами империи (периодическая недосыгаемость региона из-за природных условий при существовании грунтовых дорог — один из негативных факторов развития Забайкалья в «домагистральное» время), существенно сократившая время доставки новостей, пассажиров, грузов, ускорившая культурный обмен между столицами и глубокой провинцией. Несмотря на относительную доступность, Забайкалье представляло собой малозаселенную территорию, где общая плотность населения, по данным Первой всероссийской переписи (ПВПН), составляла 1,24 чел. на кв. версту (672 037 чел. на 538 890,0 верст), а в 1916 г. возросла до 1,8 [1, с. 1; 2, с. 44], что не меняло общей картины. Причем население, в основном хозяйственно, освоило неширокую полосу вдоль границы на юге, а почти четверть Забайкальской области занимали северные земли. Обращаем особое внимание на факт малонаселенности области, где формирование музейного пространства наиболее зримо и значимо.

В этих условиях главными носителями цивилизации были города, очертившие, по мнению современников, границы умственной и культурной жизни края. В Забайкальской области до 1851 г. насчитывалось 5, в 1851 г. — 6, в 1875 г. — 7, в 1902 г. — 8 городов, большая часть из них (5, 1902 г.) располагалась в Западном Забайкалье. Забайкальские города могут быть систематизированы по возрасту/времени возникновения — старые (Баргузин, Нерчинск, Селенгинск, Верхнеудинск, Троицкосавск) и новые (Чита, Акша, Мысовск); по статусу — административные центры (все, кроме Мысовска); по экономике, к сожалению, «истинных городов», по терминологии В.П. Семенова-Тян-Шанского, в Забайкалье нет, но, если классифицировать города по наличию так называемой градообразующей отрасли, то можно выделить железнодорожные центры Читы, Верхнеудинск, Мысовск, позднее Нерчинск, торговые центры — Верхнеудинск (ярмарочный) и Троицкосавск-Кяхту (международный); по месту в системе наказаний — тюремные центры (Верхнеудинск, Нерчинск, Троицкосавск); по людности — малые (все, кроме Читы и Верхнеудинска, которые в XX в. перешли в разряд больших и средних соответственно).

Во-вторых, участники формирования музейного ландшафта. Здесь, безусловно, необходимо

обратить внимание на три аспекта — численный, сословный и профессиональный состав горожан как главных участников культурного строительства означенного времени. Несмотря на принадлежность трех четвертей городов к разряду небольших, конец XIX — начало XX вв. демонстрирует неуклонное увеличение числа горожан (в 1897 г. в области было зафиксировано 5,8; в 1910 г. — 13,7; в 1916 г. — 15,2 % от всех проживавших в Забайкалье) [1, с. 1; 2, с. 44], свидетельствующее о росте привлекательности городов для населения области — возрастание их значимости в экономике региона, наличие пустующих экономических ниш, наполненность культурного пространства, по крайней мере, в четырех из них (Чита, Верхнеудинск, Троицкосавск, Нерчинск), и, как следствие вышеперечисленного, фиксируется повышение культурных запросов их жителей. Поскольку хронологически проблема ограничивается рубежом веков, для характеристики сословного состава населения воспользуемся данными ПВПН 1897 г., наиболее полно презентующей жителей Забайкалья.

В сословном отношении преобладающей категорией населения городов были мещане (36,7 %) и крестьяне (30,3 %), третьей по численности группой были казаки (13,7 %), 8,5 % приходилось на дворян, при этом почти 81,5 % из них составляло чиновничество. Купечество и потомственные почетные граждане объединяли чуть больше 3 %, инородцы — 2,8 % и, наконец, духовенство — 1,3 % [1, с. 32, 33]. В целом структура городского сообщества Забайкалья вполне закономерна, соответствует территориальной статусности и специфике — приграничное положение, военное губернаторство, преобладание административных функций городов, располагающихся на территории проживания автохтонного населения.

В силу структуры городских жителей культурная жизнь на окраине локализовалась в довольно узком кругу интеллигенции и элиты купечества. К местной интеллигенции правомерно причислить всех горожан, имеющих высшее и среднее военное, естественное, техническое и гуманитарное образование (около 10 % грамотных горожан). Причем по мере роста городов и расширения их потребностей в управленческих, банковских, инженерных, медицинских, культурных кадрах увеличивалось и число интеллигенции. Обращение к таблице 21 «Распределение населения по группам занятий» ПВПН позволяет определить численный состав этой категории городского населения. Из 48 приведенных занятий мы выбрали 10 (администрация, суд, полиция; общественное и сословное служение; частная юридическая деятельность; богослужение; учебные заведения, воспитание; наука, литература, искусство; врачебная и санитарная деятельность; благотворительные учре-

ждения; почта, телефон, телеграф; кредитные учреждения) общим числом служащих 1 331 (без членов семей) [1, с. 114–116]. Очевидно, что не все они принимали участие в общественном бытии городов, поэтому утверждение о довольно узком круге участников городской общественно-культурной жизни не только уместно, но и подтверждается составом (без учета почетного членства по должности) всех государственных и негосударственных обществ, представленном в «Памятных книжках Забайкальской области», издававшихся с перерывами на протяжении 30 лет [3]. В ходе модернизации рубежа веков количество разного рода организаций — благотворительных, культурных, профессиональных расширялось, однако число их участников выросло медленнее, что обуславливалось задействованием одних и тех же лиц в двух и более обществах. С одной стороны, это говорит о разнообразии интересов их членов, с другой, подтверждает мысль об узости круга активистов социокультурной жизни забайкальских городов.

Думаю, нет необходимости еще раз доказывать значимость деятельности купечества как наиболее финансово обеспеченной группы на благо экономики и культуры городов, об этом написано немало научных сочинений, скажем только, что в общественно значимой деятельности принимали участие не все представители сословия, лишь его элита, люди, понимающие важность образования или благотворения для дальнейшего развития области.

В-третьих, в означенный период складывается особое, отличное от сельского, социокультурное пространство, включавшее в себя не только систему общеобразовательной и профессиональной школы, внешкольного образования, но и вспомогательных учреждений — термин, под которым в дореволюционное время подразумевались театр, библиотеки и музеи. Более того, этот созидательный период совпал с так называемым «культурничеством», деятельностью, направленной на повышение культурного уровня широких слоев населения, причем в Сибири, по замечанию И.И. Попова, он начался значительно раньше, чем в Центральной России, что во многом обусловлено наличием политической ссылки [4, с. 12]. Здесь к месту высказывание еще одного «политического», чайковца Н.С. Тютчева о том, что своим просвещением Сибирь в большей степени обязана министерству внутренних дел, чем министерству просвещения [5, с. 15]. И это неслучайно, ведь у истоков многих культурных начинаний в крае стояли именно ссылки. Общеизвестно, что декабристы способствовали пробуждению духовной жизни в Сибири, их культурно-просветительскую деятельность подхватили последующие поколения изгнанников. Свой след в культурной жизни Забайкалья остави-

ли А.К. Кузнецов (Нерчинск, Чита), А. Бек (Акша), Н.И. Чарушин, И.И. Попов (Гроизкосавск).

Общая тенденция развития страны, направленная на рост числа профессиональных кадров и просто грамотного населения (кстати, в конце XIX в. 38,7 % горожан Забайкалья были грамотными), способствовала формированию сети образовательных и вспомогательных заведений и охватила всю вторую половину XIX — начало XX в. В силу отдаленности территории Забайкалья этот процесс начался с небольшим опозданием, но был поступательным. Как следует из «Памятной книжки Забайкальской области на 1898 г.», в городах функционировало 47 учебных заведений средней и низшей ступени, 30 % которых располагались в областном центре. Образовательная структура включала в себя общеобразовательные заведения (мужская и женская гимназии, женская прогимназия, реальное, уездное и городское училища), специальные учебные заведения, дающие профессиональные знания (2 горных, духовное, ремесленное, епархиальное училища, фельдшерская и повивальная школы) и низшие начальные училища (приходские городские, 2-классное миссионерское училища, 1-классные церковно-приходские школы), где обучалось 3 417 чел. (2 376 мужского и 1 041 женского пола). Городская школьная сеть будет неполной без семи благотворительных и воспитательных заведений (воскресных школ, детских приютов и ремесленной школы Я. Немчинова), контингент которых составлял 303 чел. (57 мужчин и 246 женщин). В целом все три категории учебных заведений обслуживали 3 720 учащихся, из них 2 433 мужчин и 1 287 женщин [6]. Мы намеренно достаточно подробно остановились на характеристике структуры школ 1897 г., поскольку ее можно считать исходным для дальнейшего анализа развития, тем более что качественно новых типов учебных заведений в Забайкалье до 1917 г. не наблюдалось, увеличение школьной сети происходило за счет роста числа уже имеющихся типов, особенно средних мужских и женских учебных заведений, городских приходских и церковно-приходских училищ и воскресных школ. Последние были необходимым условием приобретения первоначальных навыков чтения, письма и счета для работающих детей и взрослых [7, с. 205–230], которые можно было посещать для закрепления полученных навыков и после окончания курса, что было крайне важно именно для этих категорий занятого населения, особенно, учитывая, что основным контингентом были женщины (домохозяйки), стремившиеся, несмотря на свою загруженность домашними делами, к просвещению.

При этом рост количества учащихся несколько опережал рост числа школ, что наиболее заметно

в начале XX в. [8, с. 306] Следствием поступательного развития образования — базовой отрасли культуры стало увлечение забайкальцев чтением. Подтверждения данной мысли можно найти в различных источниках. В частности, И.И. Попов вспоминает о вечерах в доме своего тестя, кяхтинского купца-певрогильдейца А.М. Лушникова, когда семья собиралась в гостиной за чтением последних номеров журналов [9, с. 49], в дневнике верхнеудинца бывшего учителя мещанина Н.Н. Бурлакова есть лист «Что я прочел» [10, л. 173а], а в письмах за 1901 г. Е.А. Сергеевой, родившейся в дворянской семье и обучавшейся в Троицкосавской женской гимназии им. Н.Н. Муравьева-Амурского, время от времени встречаются замечания: «Читать я по приезде сюда (в Троицкосавск. — Т.П.) опять стала много... Читаю кое-что вслух Мишуте и маме». «Одно хорошо в нем (брат Михаил. — Т.П.), что любит и не чурается чтения»; «Читаю я, в общем, очень много. Ведь одни учебники не Бог весть сколько дадут... Да я и люблю читать... Читаю сама и заставляю читать других (гимназисток. — Т.П.)» [11, с. 26, 29]. Такая читательская заинтересованность всех сословий привела к распространению в забайкальских городах разного рода библиотек, основными читателями которых, конечно, были школьники, хотя каждое учебное заведение непременно имело две библиотеки — учительскую и ученическую, однако в эти специализированные библиотеки не допускались горожане. Для них работали публичные библиотеки, первая из которых открылась в Верхнеудинске в 1881 г. (хотя попытки относятся еще к 50-м гг. XIX в., Кяхта), а к середине 1890-х гг. и в других городах Забайкалья. Помимо этих платных, в начале XX в. организованы народные бесплатные церковно-общественные и церковно-приходские библиотеки.

Следующим шагом в данном направлении можно считать создание системы книгораспространения, развивавшейся от периодической продажи книг на ярмарке, о чем красочно сообщает в своих воспоминаниях о Верхнеудинске последней четверти XIX в. М.В. Танский, описывая книжный балаган, вокруг которого «особенно много народа толпилось» [12, л. 44], и его продукцию, до открытия книжных складов, киосков и магазинов, торгующих открытками, канцелярскими принадлежностями, учебниками, книгами и периодикой.

Все вышесказанное дает возможность констатировать, что предшествующий ход развития культурной сферы городов создал необходимые условия, прежде всего культурное поле (материальную и духовную базу) для возникновения музеев и научных учреждений.

В-четвертых, формирование музейного пространства Забайкалья имеет давнюю традицию и

своими корнями восходит к домашним музеям/коллекциям регионального купечества первой половины XIX в. (А.М. Курбатов, И.Ф. Голдобин в Верхнеудинске, М.А. Зензинов, М.Д. и Н.Д. Бутины в Нерчинске), в последующем в создании общественных музеев приняли участие энтузиасты музейного дела (А.К. Кузнецов в Нерчинске, 1886 г., потом в Чите, Н.И. Чарушин в Троицкосавске, 1890 г.), в конце века возникли Троицкосавско-Кяхтинский (1894) и Читинский (1895) подотделы Приамурского императорского Русского географического общества (ИРГО), 17 апреля 1897 г. под покровительством Приамурского ИРГО утвержден устав публичного музея в Акше и, наконец, в начале XX в. регулярная популяризаторская деятельность музеев привела к расширению музейного пространства (Верхнеудинск, 1909 г., причем название «Музей древностей» свидетельствует о сформировавшейся традиции создания) с попыткой организации научной базы для его работы, которая, к сожалению, не увенчалась успехом в связи с начавшейся войной (1914).

Эта внешняя поступательность развития, обозначающая этапы строительства музейного пространства Забайкалья, скрывает истинный процесс, носящий вполне драматический характер. И его причины очевидны, учитывая отдаленность территории, миграцию, крайний недостаток квалифицированных научных кадров (24 чел., отнесенных ПВПН 1897 г. к категории «наука, литература, искусство»), да и узость круга просто заинтересованных лиц. Еще и в 1913 г. в отчете Троицкосавско-Кяхтинского отдела ИРГО констатировалось: «К сожалению, приходится отметить полный недостаток местных рабочих сил, которые пополняются здесь на окраине весьма редко, и то лишь благодаря пришлому элементу» [13, л. 4]. Не стоит сбрасывать со счетов новизну начинания и, как следствие, непонимание его необходимости. Показательной в этом смысле является история возникновения музея, а затем и отделения ИРГО в Троицкосавске-Кяхте. Даже здесь «на первых порах (конец 1880-х гг. — Т.П.), кроме скептических улыбок, а подчас и прямо враждебного отношения со стороны некоторых членов местного общества, этой маленькой группе (инициаторов открытия музея. — Т.П.) пришлось испытать всю неподготовленность местного общества к такому делу, как ученое исследование окружающих палестин». Это было странным для города, традиционно считавшимся «культурной столицей края», где работали женская гимназия и реальное училище, ведь инициаторы «хотели устроить музей, какой бы имел для населения города, а главным образом для учащейся молодежи воспитательное значение...» [14, л. 2]. И тем не менее, музей в городе был организован. Правда, из сообщения заведу-

ющего делами музея Н.П. Левина в Восточно-Сибирское отделение ИРГО следовало, что еще и в 1892 г. «музея в официальном смысле в г. Троицкосавске нет, а есть временно нанятое помещение, где собраны коллекции частных лиц, имеющих в виду создать в г. Троицкосавске *областной* (курсив наш. — Т.П.) музей». Попытки придать музею официальный статус натолкнулись на сопротивление администрации. Городская дума отказалась принять музей в свое ведение, ссылаясь на некомпетентность и отсутствие денег, городской голова, кяхтинский купец 1-й гильдии И.Н. Сердюков, высказался категорично, заявив, что он «не видит надобности со стороны думы принимать участие в этом благотворительном (sit) деле!», а забайкальский военный губернатор М.Н. Хорошхин «не удостоил ответом просьбу» создания временного комитета. Наконец, после полицейского запрета всяких собраний и занятий в помещении музея будущее его могло быть весьма печальным: он вынужден был бы «ликвидировать свои дела», распродать оборудование для погашения аренды помещения, а «коллекции... сложены в ящики и поставлены в городские пакгаузы впредь до разрешения... временного комитета по организации музея» [15, л. 12, 13 об].

Несмотря на свой неопределенный статус, музей пользовался успехом у публики, по частным записям, число посетителей «под именем гостей хранителя музея» доходило до 400 чел., среди которых и видные ученые, профессор Петербургского университета А.О. Ивановский, сибирский общественный деятель, исследователь Н.М. Ядринцев, члены Орхонской экспедиции. Поскольку музей не мог организовывать научные экспедиции, местные любители сами «экскурсировали» на р. Чикой и Селенгу, на оз. Байкал. Наиболее важные «экскурсии» начала 1890-х гг. осуществил хранитель музея, учитель городского училища П.С. Михно, собравший ценный гербарий и петрографическую коллекцию. Таким образом, только в 1891 г. шесть отделов музея пополнились 280 предметами [14, л. 12, 13 об]. В конечном итоге, сначала благодаря пожертвованию селенгинским купцом Старцевым каменного здания в кяхтинской слободе, а затем и переходу в введение вновь открытого отдела ИРГО музей, «не только имеющий немалое значение для местной культуры, но и... как научная станция для проезжающих через Кяхту как русских, так и иностранных путешественников» [16, л. 1] получил основу для относительно стабильной работы. Однако и по истечении 10 лет успешной деятельности общество все еще считало, что «на далекой окраине, где за недостаточностью специалистов научная работа всегда носит случайный характер и вряд ли научные общества при подобных условиях могут прочно обосноваться» [17,

с. 14], добавим, что прочность положения определяется не только наличием исследователей, но и материальными возможностями.

Любой музей требует значительных финансовых затрат, а возможность пополнения бюджета в условиях дореволюционного времени была ограничена. Основным источником дохода музеев были членские взносы, правительственная субсидия на издание научных трудов и пополнение коллекций (только для музеев при отделениях ИРГО), городские выплаты, частные пожертвования. Так, общий доход Троицкосавско-Кяхтинского музея составлял 1 600 - 1 800 р., а общие расходы — 2 тыс. р. (конец 1890-х гг.). И отдел, и музей работали в условиях хронического дефицита, усилившегося в начале XX в. в связи со снижением количества провозимых через Кяхту чаев — если в середине 1890-х гг. кяхтинское купеческое общество ежегодно субсидировало музей в размере 300 р., а город выплачивал 200 р., то в начале XX в. совокупная сумма не превышала 200 р. и «на последние цифры определенно рассчитывать нельзя». Крайне негативная финансовая ситуация сложилась в Читинском отделении в 1902–1904 гг., когда, по словам его председателя Д.М. Головачева, «вопрос шел о том, быть или не быть географическому обществу». Ее преодоление можно отнести к концу 1900-х гг., в том числе благодаря государственным субсидиям. Причем и Кяхтинская, и Читинская филиалии ИРГО искали разные варианты пополнения бюджета музеев: за оказанием материальной поддержки, «дабы не потух этот скромный очаг знаний, зажженный на границах Монголии», Троицкосавско-Кяхтинское отделение было вынуждено обратиться к иркутскому генерал-губернатору (1907) [18, л. 1], а совет Читинского отделения Приамурского РГО — к члену Государственной думы Н.К. Волкову (1913) [18, л. 2].

Формирование институциональной сферы как внешнего проявления музейного пространства способствовало, во-первых, тому, что музейная деятельность приобрела научный, систематический и целенаправленный характер, заключающийся в сборе, изучении, демонстрации и комментировании музейных коллекций. Причем в условиях точечной ограниченности деятельность музеев и отделений выходила «из пределов чисто географических интересов, задаваясь более широкими научными запросами» [13, л. 4], а нося местный характер, ставила своей задачей «дать по возможности полное представление о крае... служить непосредственно практической задаче, знакомя через свои коллекции широкую публику и, в частности, предпринимателей с природными богатствами края... и содействуя административным лицам и учреждениям в разрешении различных вопросов» [18, л. 2]. Здесь особое внимание

следует обратить на устройство и участие в выставках разного масштаба — от местных до все-российских и международных. В первом случае речь идет об устройстве в 1899 г. в столице области сельскохозяйственной и промышленной выставки, которую можно считать и выставкой достижений народного хозяйства области, поскольку были представлены все действующие отрасли хозяйства Забайкалья, а также сферы культуры — школьное дело, изобразительное искусство, фотография, и познавательно/ознакомительно-обучающей, на ней забайкальцы впервые увидели водопровод, специально устроенный по решению читинских гласных в саду Жуковского, где располагались павильоны выставки, последние достижения в области ведения хозяйства (методы, технологии, машины), а также обучающие доклады о перспективных для области отраслях, в частности коневодстве и пчеловодстве [19]. Во втором случае — о знаменитой художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде (Троицкосавский, Читинский музей, 1896 г.), в Москве (Читинский музей, 1897 г.) и Всемирной выставке в Париже (Читинский музей, 1900 г.), что, на наш взгляд, свидетельствует о фиксации знания об этих очагах науки и культуры Забайкалья на разных пространственных уровнях.

Во-вторых, сопровождалось расширением его внутренней составляющей, включающей в себя:

- рост числа участников музейного дела, охватывавшего не только ученых и исследователей, но и часть заинтересованного населения. «Конечно, среди нас нет выдающихся ученых, есть лишь скромные труженики науки, а большинство и вовсе к ней не причастны, — тем не менее, ошибаются те, кои думают, что этому большинству неуместно принимать участие в жизни ученого общества» [17, с. 18]. Можно привести лишь несколько цифр, характеризующих этот процесс: если на момент учреждения отделений ИРГО круг участников ограничивался лишь 7–10 чел., то в 1909 г. в составе Читинского отделения было 11 почетных и 125 действительных членов, а к 1911 г. их число увеличилось до 10 и 145 соответственно, 1 сотрудник; в 1912 г. в Троицкосавско-Кяхтинском отделении состояло 132 чел., из которых 16 почетных, 2 пожизненных, 86 действительных членов и 28 сотрудников, к 1914 г. — 143, из которых первые две категории участников неизменны, 106 действительных членов (52 иногородних) и 19 сотрудников [13, л. 2; 20, с. 3];

- рост коллекционно-предметного поля музеев, в том числе и за счет организации экскурсий по сбору материалов, фотографий как фиксация этапов научной деятельности, дарения жителями региона предметов быта. Так, в 1894 г. коллекция Троицкосавского музея состояла из 9 тыс. наиме-

нований, через 10 лет их число увеличилось до 12 364. Коллекция Читинского музея из 17 тематических разделов объединяла 13 753 предметов [20, с. 10; 21, с. 3];

- рост количества посетителей музеев. Музей в Чите только в 1909–1910 гг. посетили 10 215 – 10 232 чел. Конечно, уездный музей не может соперничать с областным, но и здесь количество экскурсантов впечатляет. Подсчет посетителей на постоянной основе стал производиться только с 1897 г., когда с экспозицией музея познакомилось 512 чел., 36 из которых не проживали в городе, причем под «иногородними» подразумевались прежде всего китайцы и монголы. В структуре посетителей за десятилетие особых изменений не произошло, но их число возросло почти в 4,5 раза, и в среднем посещаемость в год составляла 1 524 чел., из них 15,6 % — иногородние, 84,4 % — горожане. Пик посещаемости за этот период пришелся на 1898 г., когда музей посетили 2 382 чел., причем иногородних в 1,4 раза больше, чем городских. Интересен факт посещения музея как полезного времяпрепровождения в воскресные и праздничные дни. Так, корреспондент газеты «Байкал» писал: в музее «...прежде бывали только десятки лиц, а ныне в третий день Пасхи было до 150, большинство китайцы, в воскресенье же, 12 апреля, посетило 582, в числе их более сотни русских, преимущественно мещан, частию женщины и дети; затем около ста бурят и монголов, остальные до 350 китайцы из Маймачена» [20, с. 10; 21, с. 3]. Это является свидетельством непосредственного влияния европейски ориентированной культуры страны, сосредоточенной в городах, на сельскохозяйственную округу, прилегающую к музейному городу, и выход этого влияния за пределы собственно западной по типу культуры, правда, иностранцев привлекали прежде всего этнографические коллекции и «китайские» предметы, но, знакомясь с ними, они знакомились и с российской историей и культурой, представленной на стендах.

Вывод очевиден: в условиях Забайкалья конца XIX — начала XX вв. формирование музейного пространства прошло в своем развитии несколько этапов по пути роста профессионализации — от частных, несистематизированных коллекций, составленных порой из случайных предметов и призванных демонстрировать амбициозные претензии хозяина на соответствующий культурный уровень до научно обоснованной работы, сконцентрированной в специализированных учреждениях, но при этом характеризуется локальностью, сосредоточивается лишь в наиболее развитых городах — культурных столицах края и является делом немногочисленной, но самой активной и образованной городской элиты.

Можно с уверенностью говорить о том, что, несмотря на начальный период, созданное музейное пространство и выработанные определенные ме-

тоды музейной работы стали достаточной базой для дальнейшего развития.

Литература

1. Первая Всероссийская перепись населения. Т. 74. Забайкальская область. СПб.: Тип. ЦСК МВД, 1904.
2. Статистический ежегодник России 1916 г. (Год тринадцатый). Вып.1. М.: Тип. Моск. Совета Раб. Деп., 1918.
3. Памятная книжка Забайкальской области на 1871 г. / под ред. И.А. Меньчукова. Иркутск, 1871; Памятная книжка Забайкальской области на 1891 год. / Изд. Заб. Стат. комитет. Чита: Тип. Заб. обл. Правления, 1891. 135 с.; 1892. 129 с.; 1893. 153 с.; 1894. 197 с.; 1894. Ч. 1. 294 с.; Ч. 2. 227с.; 1896. Ч. 2. 103 с.; 1897. Ч. 2. 139 с.; Памятная книжка Забайкальской области на 1898 год / Изд. Заб. Стат. комитет. Чита: Тип. ТД «Бадмаев и Ко», 1898. Ч. 2. 103 с.
4. Попов И.И. Забытые Иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост-Сиб. изд-во, 1989. 384 с.
5. Тютчев Н.С. Статьи и воспоминания. В 2 ч. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва полит каторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. Ч. 2. В ссылке и другие воспоминания. 207 с.
6. Ведомость о числе учебных заведений в Забайкальской области за 1897 год // Памятная книжка Забайкальской области на 1898 год. Чита, 1898. Ч. 2. С. 103.
7. Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. 237 с.
8. Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос-университета, 2010. 312 с.
9. Попов И.И. Минувшее и пережитое. Сибирь и ссылка. Воспоминания за 50 лет. М.; Л.: Колос, 1924. 215 с.
10. Бурлаков Н.Н. Дневник души моей... Записи за 1912 год // ГАРБ (Гос. арх. Республики Бурятия). Ф. 294. Оп. 1. Д. 42.
11. Екатерина Танская — знакомая незнакомка / сост. Д.А. Фролов, О.А. Фролова. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2017. 123 с.
12. Танский М.В. Верхнеудинск 70-80-х годов девятнадцатого века // ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 6.
13. Отчет о деятельности Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО за 1909-1910 гг. Чита: Тип. Заб. обл. правления, 1912. 44 с.
14. Отчет Троицкосавско-Кяхтинского отделения ИРГО за 1913 год // ГАИО (Гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 25. Оп. 3. Д. 3246.
15. Сообщение заведующего делами Троицкосавского музея Н. Левина от 07.01.1892 г. // ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 87.
16. Прощение Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО от 04.09.1907 // ГАИО. Ф. 25. Оп. 93. Д. 1674.
17. Празднование десятилетия отделения 19-го сентября // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. СПб., 1905. Т.7. Вып. 2. 224 с.
18. Прощение Совета Читинского отдела Приамурского РГО от 12.12.1913 г. // ГАЗК (Гос. арх. Забайкальского края). Ф. 348. Оп. 1. Д.27.
19. Обзор сельскохозяйственной и промышленной выставки в Чите в 1899 г. Чита: Тип. Заб. обл. правления, 1899. 172 с.
20. Отчет Троицкосавско-Кяхтинского отделения ИРГО за 1910 год // ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 187.
21. О музее // Байкал. 1898. № 16.